

В первое утро Нового года, едва закончился ранний завтрак, принц-регент Ань Шаоцинъ со всем семейством отправился в Храм Благодарности. Хотя в стране Юй буддизм не жаловали, предпочитая даосизм, традиция воскурять первые новогодние благовония оставалась неизблемой. Чоу Хуайшэн поехал вместе с ними. Госпожа Лю из-за своей беременности осталась в поместье — лишние волнения и дальняя дорога были ей сейчас ни к чему.

Храм Благодарности находился не так уж далеко — всего в часе езды в экипаже. Поскольку наступило первое число нового месяца, а сама обитель считалась величайшей в столице, паломников съехалось великое множество. Ещё на дальних подступах воздух полнился сизым дымом сгорающих благовоний. По мере приближения пряный аромат становился всё гуще, а у самых врат он сделался столь плотным, что дышать становилось тяжело.

Ань Шаоцинъ прибыл без пышной свиты, словно простой мирянин, и в праздничной суете никто не обратил внимания на появление могущественного регента. Для Ань Цзыяня же это было первое посещение Храма Благодарности. Юноша с любопытством озирался по сторонам, подмечая каждую мелочь: и огромный бронзовый колокол в надвратной башне, и величественное золочёное изваяние Будды, безмятежно восседающего на лotosовом троне, и трепещущие на ветру пятицветные молитвенные флаги. Его завораживало то, с каким благоговением паломники падали ниц перед алтарём, и то, как другие трясли деревянные стаканы в надежде получить предсказание, которое затем истолкует монах. Всё это было для него в диковинку.

В этот момент к ним направился пожилой монах. Сложив ладони перед грудью, он почтительно склонил голову, и прибывшие поприветствовали его ответным поклоном.

— Старый монах давно ожидает вашего прибытия, — негромко произнёс он. — Прошу вас, следуйте за мной.

— Благодарю за труды, настоятель Хуэймин, — отозвался Ань Шаоцинъ.

Настоятель Хуэймин вновь поклонился принцу-регенту. Но когда он поднял глаза и встретился взглядом с Чоу Хуайшэном, то на мгновение застыл, словно поражённый громом. Замешательство длилось лишь миг, и никто из присутствующих не успел его заметить. Справившись с собой, монах повернулся и повёл гостей вглубь монастыря.

Хотя буддизм в стране Юй не пользовался таким влиянием, как учение даосов, императорский дом не обделял вниманием древние святыни. Храм Благодарности был возведён на средства из государственной казны и находился под высочайшим покровительством.

Пройдя по тихим переходам, настоятель вывел их к отдельному, скрытому от посторонних глаз залу. Он уступал в размерах главному святилищу, поскольку предназначался исключительно для членов императорской семьи. Сюда посылали дары из дворца в новолуние и полнолуние, но Ань Шаоцинъ бывал здесь лишь раз в году — в первый день весны, чтобы совершить подношение и возжечь первые лампы.

На алтаре уже лежали приготовленные свечи, жертвенная бумага и благовония. Каждый взял по тонкой палочке, и настоятель Хуэймин зажжёт их от священного огня, напевая ритуальные слова:

— Разгорается пламя — родится богатство, высится пламя — процветает дело.

Когда кончики палочек затлели, испуская тонкие струйки ароматного дыма, монах жестом указал на разложенные перед алтарём циновки.

— Поднесите благовония к бровям, закройте глаза и поведайте Небу свои желания.

Едва они открыли очи, настоятель негромко продолжил:

— Левой рукой водрузите палочки в бронзовую курильницу.

Повторив обряд, они воскурили три предписанные палочки: первую — в почитание Будды, вторую — во славу Закона-Дхармы, третью — во славу монашеской общины. Закончив с подношением, все трое трижды простёрлись ниц перед золочёным ликом. Затем каждый опустил щедрое подаяние в ящик для пожертвований, возжёт храмовую лампаду и совершил обряд освобождения живых существ, выпустив на волю певчих птиц, купленных накануне на городском рынке. В самом конце настоятель развернул тяжёлую книгу добрых дел, и гости вписали в неё свои имена.

Они уже собирались покинуть уединённый зал, когда голос настоятеля заставил их остановиться.

— Почтенные благодетели, задержитесь на мгновение, — попросил старик.

Ань Шаоцинъ остановился. Настоятель подошёл к ним, бережно держа в руках бамбуковый стакан с гадальными палочками.

— Настоятель Хуэймин, желаете что-то поведать нам? — учтиво поинтересовался принц-регент.

— Старый монах хотел бы прочесть судьбу этого юного благодетеля, — старец посмотрел прямо на Ань Цзыяня. — Прошу вас, ступайте за мной.

Озадаченный Цзыянь нерешительно взглянул на отца. Он оказался в буддийской обители впервые и совершенно не знал здешних обычаев.

— Ступай, — Ань Шаоцинъ мягко коснулся плеча сына.

Юноша послушно подошёл к алтарю и опустился на колени перед величественным изваянием Будды. Приняв из рук настоятеля бамбуковый стакан, он прикрыл веки и принялся мерно покачивать его. Раздался тихий, сухой шорох, и одна из деревянных палочек скользнула на каменные плиты пола.

Отложив стакан в сторону, Цзыянь поднял палочку и взгляделся в вырезанные на ней поэтические строки:

«Весенний дождь приносит радость, тучи расступаются;

Луна и солнце сияют ярче день ото дня.

Минувшее уходит прочь, грядёт пора свершений;

Взгляни — настанет час, и ты врата Дракона одолеешь.

Прошлое развеется, новое явится на пороге;

Врата Дракона позади, и солнце с луною озаряют твой путь».

— Позволь старому монаху взглянуть на предначертанное, — попросил настоятель.

Цзыянь послушно протянул ему деревянную палочку.

Старец пробежал глазами по иероглифам и глубокомысленно кивнул. Цзыянь гадал впервые в жизни. Пускай он и понимал буквальное значение слов, однако догадывался, что истинный смысл пророчества всегда таит в себе нечто большее.

— Почтенный настоятель, какое предзнаменование мне выпало? Благоприятное или худое? — решился спросить Цзыянь.

— Среднее, — ответил старик. — Ни великое благословение, ни горькое несчастье.

— И как же его истолковать?

— Былое постепенно рассеется, уступая место новым людям, новым заботам и новым свершениям, — напевно произнёс Хуэймин. — Если сумеешь ухватиться за нить судьбы и в нужный миг одолеешь крутые врата Дракона, твоя жизнь переменится к лучшему.

— Что это за врата и какой случай мне представится? Прошу вас, настоятель, пролейте свет на эти слова!

— Тайны Небес сокрыты от взора смертных, и негоже разглашать их прежде срока. Придёт час, и ты сам всё поймёшь, — старец мягко улыбнулся.

С этими словами он взял с алтарного столика расшитый шёлковый мешочек-оберег и вложил его в ладонь Цзыяня.

— Храни этот амулет при себе, где бы ты ни находился. Он оградит тебя от невзгод и отведёт любую беду. Но помни: никогда не развязывай его шнурков. Заглянешь внутрь — и на твою голову обрушится страшное несчастье.

Слова настоятеля не на шутку встревожили Цзыяня. Кто бы мог подумать, что в крошечном кусочке шёлка сокрыта столь грозная сила, способная принести как великое спасение, так и неминуемую гибель.

«Эх, лучше бы я вообще не соглашался на это гадание...»

Отводить беды — дело благое, но страх случайно развязать шнурки или позволить кому-то чужому прикоснуться к оберегу пугал юношу куда сильнее. Хватит ли у него осмотрительности, чтобы уберечь столь хрупкую вещь в грядущих бурях? И всё же, стараясь унять внутреннюю дрожь, Цзыянь бережно спрятал амулет в глубокий карман рукава.

Замешательство на лице юноши не укрылось от взора настоятеля, но тот лишь понимающе кивнул и направился к выходу из зала. Юноша поспешил следом за ним.

Подойдя к ожидавшему их Ань Шаоциню, настоятель поклонился:

— Час полуденной трапезы настал. Раз уж вы почтили нашу скромную обитель своим присутствием, не откажитесь разделить с нами постный обед.

Принц-регент согласно наклонил голову.

— Прошу вас, следуйте за мной, — старец гостеприимно указал дорогу.

Едва они переступили порог просторной трапезной, над усадьбой пронёсся глубокий, чистый гул колокола, созывающий братию к столу. Вскоре под прохладные своды потянулись монахи и немногие именитые паломники. Гости прибыли раньше остальных, потому без труда заняли места в стороне. Трапезная быстро заполнялась, но здесь не слышно было суеты и гомона — лишь шорох одежд да негромкий стук деревянной посуды. В этом безмолвии величие буддийской святыни ощущалось особенно явственно.

После трапезы они пустились в обратный путь. Дорога до столицы была спокойной, но Цзыянь никак не мог выкинуть из головы предсказание. Что это за врата Дракона, о которых твердил старец? И какой случай уготован ему судьбой? К тому же само поведение настоятеля Хуэймина

оставило на душе смутную тревогу. Они ведь пришли всей семьёй, однако старик выделил именно его, заставив вытянуть жребий. Цзынянь не был столь наивен, чтобы поверить, будто удостоился такого внимания лишь потому, что впервые посетил Храм Благодарности. За этим явно крылось нечто большее.

Чоу Хуайшэн, ехавший на коне рядом с экипажем, то и дело поглядывал на отрешённого Цзыняня. Ему не терпелось узнать, какое предсказание получил юноша. Судя по его тревожному виду, палочка сулила не самые простые времена, иначе с чего бы ему так хмуриться? Хуайшэн решил, что при первой же возможности расспросит его обо всём с глазу на глаз.

Но даже когда повозка въехала в ворота усадьбы, мысли Цзыняня оставались далеко отсюда. Разгадать загадку старого монаха он так и не смог.

<http://bllate.org/book/18341/1865357>